

ИЛА-БЫЛА девочка... Жила она в небольшой деревеньке, что в десяти километрах от Вязьмы, и очень любила маму, папу, бабушку и особенно дедушку, Алексея Спиридоновича. Он был такой огромный, курносый, с большой седой шевелюрой и синими глазами. Он красиво пел, сочинял стихи и ко всем людям относился с большой добротой. Когда девочке исполнилось три года, она переехала в большой город, в Москву...

...В выпускных спектаклях студентов оперной студии были дети для исполнения танцевальных номеров в операх. И вот педагог И. Д. Лентовский привел меня в хореографический класс оперной студии имени Шацкого. Так впервые я прикоснулась к волшебству, называемому музыкой. Я попала в неведомый мне доселе мир искусства — чего-то чарующего, необычного. Жизнь превратилась в долгий и светлый праздник... И в этот праздник ворвалась война...

Летом 1941 года я была у бабушки в деревне. В память врезался всадник, скачущий на взмыленном коне. Это был сельский почтальон. Весь в пыли, он кричал, чуть привстав на стременах:

— Война-а-а!..

Может быть, само слово «война» и все то, что я потом за ним увидела, о чем узнала, и дало начало моей будущей теме в искусстве — героико-патриотической?.. Этой теме я осталась верна всю жизнь.

Шла война. Я продолжала учиться. Однажды, в первые военные месяцы, я услышала по радио, что во Дворце пионеров работает студия художественного слова. Пришла в эту студию. И снова в моей жизни появилась музыка — музыка стихов А. С. Пушкина. Радостное открытие — слово. Я поняла его удивительную силу воздействия на человека — на его характер, эмоции, внутренний мир.

Пришли в студию ребята и девушки, влюбленные в литературу, в поэзию. И пусть многие из них стали актерами, но там, в студии, формировалось их мироощущение. Один из наших студийцев, Г. Печников, сегодня ведущий актер Центрального детского театра. Я встречаюсь с многими моими товарищами тех лет, слежу за их судьбами — это интересные, внутренне богатые люди.

Иногда мы пробовали играть в концертном исполнении спектакли. Это был театр, мое первое к нему прикосновение. И когда окончила школу, проблемы выбора будущей профессии не существовало. Поступила в ГИТИС имени Луначарского, на курс, которым руководили мхатовцы Г. Г. Конский и И. М. Раевский.

Студенткой увидела спектакль ЦТСА «Сталинградцы» и была поражена виденным, живо напомнившим мне (особенно первая картина) дни, когда с толпой беженцев я пробиралась от бабушки в Москву под непрерывный рев фашистских самолетов, сквозь разрывы бомб и пожарница. Я как-то сразу для себя решила, что ЦТСА — это мой театр, театр моей темы. Я мечтала попасть в этот театр и боялась, что этого не случится. Ведь педагоги особых надежд на меня не возлагали, считали (да так оно, собственно, и было), что я заканчиваю институт как лирическая инженер и что впереди — роли горничных, а амплуа «драматическая» — это про других. Где-то глубоко внутри светилась мечта создать на сцене сильный характер, а студенческие грезы вселили в меня еще больший страх перед сценой, на которой, казалось, и видно-то меня не будет.

Наверное, так и было в первом же спектакле — «Сталинградцы» (надо же!), в котором я выходила в огромной маске, без текста. Впрочем, одну-две фразы все-таки выкрикивала в общем шуме... Моя мама, купив однажды билет, тайком пришла на «Ста-

линградцев» и, едва отыскав меня, никак не могла принять отчего я так счастлива.

Но я была счастлива! Оттого что — на сцене, в театре, который люблю! Тогда еще не подозревала, что главное мое счастье в том, что попала я к удивительному мастеру и человеку — Алексею Дмитриевичу Попову! Ему моя вечная благодарность за то, что помог утвердиться в своих мечтах, за его мимолетные порой, но точные слова. Алексей Дмитриевич был и навсегда останется для нас, его учеников, борцом за актера.

В первом же сезоне меня ввели и в другие спектакли ЦТСА — играла в массовых сценах крохотные эпизоды. И

Людмила КАСАТКИНА, народная артистка СССР

МОЯ ТЕМА-ГЕРОИКА

вот освободилась роль Оксаны в «Первом громе» М. Алигер, на эту роль был объявлен конкурс. Об участии в нем я и не помышляла. И вдруг Попов сказал, увидев меня в одном из спектаклей:

— Вот она... пусть попробует.

Прямо-таки как гром с ясного неба! Я решила, что от меня хотят избавиться, пришла к Алексею Дмитриевичу, забормотала невнятное:

— Это не мое... я... не надо... вы меня выгоните... я знаю...

Он терпеливо выслушал всю тираду, состоявшую в основном из рыданий и междометий, и сказал:

— Даю неделю.

Показалась. Утвердили.

Это была смелость Алексея Дмитриевича: доверить начинающей актрисе (да еще «лирической инженеру») главную драматическую роль. Уж не помню, как играла... Наверное, сносно: на компромисс Алексей Дмитриевич не пошел бы.

Потом были роли — разные, чаще лирико-комедийные. И когда в спектакль «Укрощение строптивой» вводили новый, молодой состав исполнителей, все были убеждены, что я — Бьянка...

И снова неожиданный ход А. Д. Попова: Катарина — Л. Касаткина!

Играть Катарину после многолетнего и блистательного исполнения этой роли Л. И. Добрянской — тут было над чем задуматься...

Спросила у Алексея Дмитриевича:

— Вы не ошиблись?

— Нет, — твердо ответил он. Помолчал и добавил: — Понимаешь? Она ведь не только гневное и взбалмошное существо. Она еще и... полюбившая женщина. Вот где истоки укрощения. И ведь не столько укрощен ее необузданный поначалу нрав, сколько сама она преображена любовью к Петручку. Внутренний мир этой женщины сложен, его надо понять и... защитить.

И я защищала. Как помогал мне в этой работе Алексей Дмитриевич! На каждой репетиции чувствовала его доверие, и это окрыляло. Не могу без волнения вспомнить о нем — честном, неистовом в творчестве и светлом в жизни человеке.

В спектакле моим партнером был Андрей Алексеевич

Попов, блистательный Петручка! Многим я обязана своему общению с этим удивительным актером. Искрометность Петручки — А. Попова, его глаза, интонации, его, я бы сказала, неожиданность в роли поражали. Не однажды Андрей Алексеевич был моим партнером в спектаклях ЦТСА, и каждый раз работа с ним превращалась в подлинный творческий союз единомышленников.

На этой же сцене я сыграла Нилу Снежко в пьесе А. Салынского «Барабанища». Нила была первой в моей актерской жизни девушкой-разведчицей. А потом — Аня Морозова в телевизионном фильме «Вызываем огонь на себя». Приступая к работе над ролью, я волновалась не только потому, что Аня Морозова не художественный вымысел, а реально существовавшая героиня. Аня — это судьба и подвиг сотен, тысяч русских женщин во время Отечественной войны. Я видела их везде — и на почерневших от пожаров первых дорогах войны; и недоедавших, падающих от ус-

тальства жизни складываются для нее трагически, но посмотрите, как не убывает ее человеческая нежность, стремление к счастью. В сущности, она внутренне красивый человек: вспомните, с какой поистине материнской любовью отнеслась она к мальчику Саше, к его судьбе...

Л. Н. Толстой не раз собирал около себя домашних и объявлял:

— А теперь — «Душечка».

И, читая рассказ, смеялся и плакал одновременно.

Я глубоко убеждена, что Душечка при всей, казалось бы, трагичности ее поступков и судьбы — образ трагический.

За годы работы в театре, кино, на телевидении сыграно много ролей, разных и по жанру (от комедии до трагедии), и по заложенному в них художественному потенциалу, и по значимости их в моей актерской жизни. Но едва ли я была когда-нибудь так потрясена, как во время исполнения роли героини фильма «Помни

имя свое». Буквально захлебнулась от переживаний. С того дня, когда узнала об истории живущей ныне в Минске Зинаиды Григорьевны Муравьевой, до дня премьеры фильма прошло десять лет. Все эти годы я шла, мучительно шла к этой роли. Она «копилась», собиралась во мне и требовала выхода. Напряженная работа во время съемок, потрясения от встреч после премьеры, письма людей, прошедших через ад фашистских концлагерей... До сих пор не могу еще освободиться от пережитого, да и едва ли освобожусь когда-либо.

На киностудии «Мосфильм» снимаюсь в фильме-оперетте «Фалка Монмартра». Роль мадам Арно — необходимая встряска, разрядка, что ли, после сильного психологического напряжения в последней работе. К тому же меня давно «заныла» мысль сыграть в ярком и зрелищном опереточном действе...

Я начинала с массовок, но верила в свою звезду, потому что за моими первыми, робкими шагами по сцене следил Алексей Дмитриевич Попов! И рядом были хорошие люди, старшие товарищи-актеры, которые никогда не прощали мне промахов, помогали и вместе со мной радовались моим удачам. В этом мое актерское счастье. И пусть порой бывает тяжело, даже очень — жизнь куда сложнее наших о ней представлений, — главное, что рядом всегда люди, с которыми связывают годы работы, жизни. Товарищи знают тебя подробно, и поэтому они самые строгие и пристрастные судьи всего, что ты делаешь. Актер силен только там, где его знают, куда он приходит, как в свою родную обитель...

талости после долгого трудового дня на заводе; и причитающих в своем горе (не вернулся!); и давивших в себе это горе ради детей... И все они — величайшие страдальцы и героини русской земли — вдруг с необыкновенной силой и чистотой открылись мне в образе простой девушки Анны Морозовой. Постепенно, трепетно, словно к самому святому, прикасалась я к этому образу...

Героиня будней Ани была задана в сценарии отчетливо и ясно. Но я — актриса, исполнительница, для меня важно было найти Аню в Ане, ее слабость и боль, человеческие привязанности, ее «обычность», найти Аню в ее каждодневности, из которой и складывалось затем понятие «героиня».

Образ этой русской женщины дорог мне еще и потому, что в нем героико-патриотическая тема, главная моя тема в искусстве, звучит наиболее конкретно и чисто.

После премьеры фильма в Варшаве люди подходили ко мне на улице, благодарили, спрашивали: «Скажите, она жива? Ведь не может такой человек погибнуть».

Я приехала в деревню Градзано, что в ста пятидесяти километрах от Варшавы, и там, недалеко от сельской школы, носящей имя русской девушки, положила цветы на могилу Ани. Долго смотрела на плиту с надписью: «Здесь покоится советская разведчица Аня Морозова и два польских патриота». И чуть ниже: «Спокойной на польской земле». Я думала о человеке, ставшем для меня навсегда родным...

Своим ролям я не судья, могу лишь говорить о том, чего мне порой стоит прикосновение к ним...

Через год я сыграла Ольгу Семеновну в фильме «Душечка» по одноименному рассказу А. П. Чехова. Это была моя вторая встреча с Чеховым на экране, и я очень ждала этой встречи. Насколько знаю, в восприятии характера и судьбы Душечки обычно доминировала ирония читателей.

А вызывает Душечка ироническую (и, замечу, грустную тоже) улыбку скорее из-за беззащитности в своей искренней любви, доброте. Беззащитность Ольги Семеновны — это еще и беззащитность одиночества женщины. Да, обстоя-